

АЛЕКСАНДР ЛЕБЕДЕВ

ОТЕЦ

РАССКАЗЫ

Каждый год Девятого мая я с внуками хожу к памятнику воинам, погибшим при освобождении города. Накануне старший, Владимир, названный в честь прадеда, долго уговаривал надеть форму:

— Дед, сделай нам приятное. Мы ведь тебя в погонах только на фотографии видели. О службе своей ничего не рассказываешь, а хочешь, чтобы я флотским офицером стал. На личном примере надо воспитывать. Не скромничай, нам твои ордена и медали бабуля показывала.

Жена на помощь внукам пришла. Общими усилиями убедили. Володька даже брюки мне погладил. Ночь напролёт дождь лил. К утру ветер тучи разогнал. Солнышко выглянуло, асфальт подсушило. Почки на деревьях лопнули. Молоденькие, клейкие листочки появились. Природа тоже к празднику приготовилась. Встали пораньше, позавтракали, оделись и отправились на торжество. По дороге купили красных гвоздик. Замечаю, внуки то на меня посмотрят, то по сторонам оглянутся. Проверяют, какое впечатление производит их дед на прохожих. Сами от важности момента носы кверху позадирали. После парада цветы к Вечному огню положили, поклонились, постояли, помолчали. Мимо нас шли люди: семьями и поодиночке. Шли тихо, сосредоточенно, сознавая свою сопричастность к великому подвигу. И это ощущение сопричастности сплачивало их, объединяло, делало честнее и выше.

ЛЕБЕДЕВ Александр Владимирович родился в городе Коломна Московской области в 1945 году. Более тридцати лет прослужил на Военно-морском флоте. Капитан 1-го ранга в отставке, кандидат исторических наук, доцент Балтийского Военно-морского института. Стихи и рассказы печатались в сборниках "Антология калининградского рассказа", "Балтийский флот", в журналах "Балтика", "Параллели", во флотских газетах и журналах. Живёт в Калининграде.

Ребята присмирели. Такие события очищают не хуже молитвы. Владимир осторожно тронул меня за рукав тужурки и прошептал:

— Дед, я, наверное, после школы в училище пойду, буду, как и ты, командиром подводной лодки.

Я похлопал его по плечу:

— Так держать, внучек!

Было время, и я с отцом приходил сюда. Тогда ещё не отмечали День Победы как всенародный праздник. Отец брал отпуск за свой счёт, покупал билеты на поезд, и мы отправлялись в Калининград. От вокзала добирались пешком по центральной улице. По обе стороны — разбитые дома, следы пожаров, словно война закончилась только вчера, а не несколько лет назад. Казалось, сейчас из подворотни выскочит фриц и закричит: “Хенде хох!”. При посещении памятника отец всегда произносил:

— Прости, Алексей.

Я несколько раз просил отца пояснить, что означает эта фраза, но он отнекивался:

— Подожди, не сейчас.

В такие дни он становился ещё более замкнутым. По каким-то одному ему известным признакам он находил среди фронтовиков родственную душу. Здесь же в парке они садились на скамейку. Отец расстилал газету, доставал бутылку, два гранёных стограммовых стаканчика, пару солёных огурцов, хлеб и нарезанное ломтиками сало. Выпивали за победу, за мёртвых и живых. Молчали, думали о своём, обнимались при расставании, желали друг другу здоровья и расходились, чтобы больше не встретиться.

— Папа, почему ты никогда не рассказываешь о том, как воевал? — спросил я однажды.

— Наверное, таким родился, а потом знаешь, те, кто со смертью часто рядом был, обычно не разговорчивы. Война, сынок, грязное дело, и не только потому, что грязь сапогами месили. Много дряни из человека вылезает, когда жизнь — копейка, поэтому полную правду никто никогда о себе не расскажет. Это всё равно, что посредине улицы догола раздеться. Я подлости, непорядочности людской вдосталь насмотрелся, и многих свято верящих в правоту нашего дела бойцов схоронил. На войне убивают, вынужденно, но убивают. И в пехоте не абстрактного противника, которого близко не видишь, как артиллеристы, лёгчики или моряки, а конкретного человека. Иногда, приходится в глаза его смотреть, и взгляд, в котором ужас предсмертный, понимание, что всё кончено, навсегда запоминаешь. Стоит ли этим хвалиться?

У нас с отцом были сложные отношения. В детстве я им гордился. А как же иначе, если твой отец такая незаурядная личность. В любом деле он стремился стать первым и очень переживал, если по каким-то причинам это не удавалось. Он увлёкся футболом и стал лучшим полузащитником в городе, однако в одной из игр на первенство России сломал ступню. О карьере футболиста пришлось забыть. Он был одним из создателей молодёжного театра “Синяя блуза”. Маму попросили помочь рабочему классу с музыкальным сопровождением. На репетициях мои будущие родители и познакомились. Отец — обладатель сильного баритона и абсолютного слуха — произвёл тогда сильное впечатление на свою будущую жену. Вот только восторг от первых успехов сменился разочарованием. Стало ясно, что на энтузиазме далеко не уедешь, не каждому дано быть актёром, пусть и самодеятельным. Молодому коммунисту поручают возглавить городской спортивный комитет. Отец пытается создать школу тенниса. Его снимают с должности за пропаганду буржуазных видов спорта. Он уходит на завод, заканчивает рабфак и перед войной в двадцать восемь лет становится заместителем главного технолога завода. Для того чтобы определить, из какой марки стали изготовлена деталь, отцу достаточно было провести пальцами по поверхности изделия. И работяги, и начальники в такие способности долго не могли поверить, спорили до хрипоты, относили для анализа образец в лабораторию, а потом, прочитав заключение, разводили руками: “Не может быть?” Откуда в нём, рдившемся в семье сапожника и неграмотной женщины, подрабатывающей

стиркой и уборкой в богатых семьях, столь разносторонние дарования? Не объяснить. В таких случаях обычно говорят: “Его Бог не обидел”. Отец был настоящим русским пролетарием и по духу, и по стилю жизни. О завтрашнем дне не думал, главное для него — работа, в быту довольствовался малым. Когда он вернулся домой из Германии, мне шёл третий год. Мама вся светила от счастья. Я долго дичился, называл его дядей, а потом признал и не отпускал ни на шаг. Вместе и в баню, и на футбол, и на рыбалку. В пять лет он научил меня играть в шахматы, городки, плавать. Много позже я понял, что отец не был семейным человеком и охотнее проводил время вне дома, приходил с завода поздно, часто нетрезвым, мог гульнуть с друзьями с размахом. Мама обижалась, плакала украдкой, но всегда оправдывала отца и никогда не говорила о нём плохо. Через год после смерти мамы он ушёл к другой женщине, хотел забрать меня. Я, десятилетний паренёк, отказался наотрез, заявил: “Ты мне больше не отец”. На глазах у него появились слёзы. Он весь как-то сник и дрогнувшим голосом произнёс: “Сынок, я без тебя не смогу”. Я прижался к бабушке. Она обхватила меня, а отца перекрестила со словами: “Иди с Богом. Пусть малец со мной пока побудет”. “Пока” растянулось на восемь лет. С отцом общался не часто. Он несколько раз пытался уговорить меня перебраться к нему, я не соглашался. Почему? Сейчас и объяснить трудно. Мне тогда не было его жалко. Только значительно позже понял, какую боль причинил близкому человеку. Воспитывала меня бабушка. После окончания школы я уехал в Ленинград, поступил в военноморское училище, домой приезжал на летние каникулы, поэтому видиться стали лишь раз в год. На последнем курсе мы проходили стажировку на Севере, на атомоходах. Здесь меня нашла телеграмма “Срочно приезжай, отец в тяжёлом состоянии”. Время отпусков, билетов не достать. Неделю протолкался в аэропорту, прежде чем удалось улететь. Всю дорогу я казил себя за то, что так неуважительно относился к отцу. Самое большое желание — заставить его живым. К моему приезду его выписали из больницы после обширного инфаркта. Бледный, худой, он лежал на диване. Увидел меня, обрадовался, попытался встать. Я опередил, сел рядом, обнял и произнёс:

— Прости меня, папа, — и удивился, как легко это у меня получилось.

И вновь я увидел отцовские слёзы.

— Старею, не обращай внимания, — смутился он.

— Что же ты не бережешься? — упрекнул я отца.

— А зачем? Кому я нужен? Своё отжил, и на этом свете меня никто и ничто не держит.

— Про меня ты забыл?

— У тебя своя жизнь. И не ты у меня, я у тебя прощение просить должен, да гордость не позволяет.

Я пробыл у отца три дня. Беседовали о многом, но больше о войне. Собственно, говорил отец, ему нужно было выплеснуть то, что копилось годами, излить душу. Жалко, что не записал его рассказ. Конечно, основное содержание осталось в памяти, однако детали, мелочи, благодаря которым собственно и складывается неповторимое впечатление, утрачены. Он предупредил “Будет неинтересно, не стесняйся, обрывай. Нужна ли тебе моя биография?”

— Войну я встретил в должности заместителя главного технолога завода текстильного машиностроения. Мужики, особенно молодёжь, военкоматы осаждала, мне же бронь дали как особо ценному кадру. Я обратился к директору с просьбой помочь в отправке на фронт. Отказал. Я в партком. Там разъяснили: “Партия считает, что больше пользы ты принесёшь в тылу”. Мне было наплевать на пользу. Я молодой, здоровый, должен находиться на передовой. После третьей попытки добился приёма у первого секретаря райкома партии и заявил: “Если для того, чтобы воевать, я должен стать беспартийным, то готов положить партбилет на стол”. Потом мне эти слова припомнят. Попал я не на фронт, а на офицерские курсы. Через три месяца присвоили звание младшего лейтенанта и отправили под Москву в дивизию народного ополчения. Доверили взвод. Народ подобрался разный: и молодёжь, и пожилые люди, научные работники и работяги. Ни один опыта военного не имел. Да и у меня его не было. В прифронтовом лесу на наспах

оборудованном стрельбище каждый из моих подчинённых сделал по три выстрела из винтовки. Посчитали, что этого вполне достаточно для защитника Родины. На грузовике повезли на передовую. Я тоже залез в кузов, устроился на последней скамейке у заднего борта. Машина открытая, октябрь месяц, в шинельке продувает насквозь. Чтобы как-то согреться, раздаю запас своих папирос “Беломорканал”. Задымила братва, повеселела немного. Один щербатый, с золотой фиксой, прикуривая от моей папиросы, с ехидной улыбкой спрашивает:

— Не боишься, начальник, что пристрелят тебя в первом же бою?

И смотрит на меня нагло. Хотел я ему по роже врезать, да вовремя одумался: засудят. Отвечаю спокойно, размеренно:

— По уставу в атаку у вас должен поднимать, на смерть вести. Кому первому пуля достанется, сказать не берусь. В одном уверен — подонков среди вас нет.

Ухмыляется щербатый:

— Тебе виднее.

Встретил нас командир батальона, поздоровался, коротко пояснил обстановку:

— Враг к Москве рвётся. Волоколамское направление самое ответственное. Держаться до последнего.

Затем представил меня командиру роты. С ротным прошли на позицию.

— Место, где твой взвод будет стоять, наиболее танкоопасное.

— У нас кроме винтовок ничего нет.

— И не надо. Ваше дело — законаться, танки пропустить и с пехотой разобраться.

— Вы думаете, можно голыми руками окопы в полный профиль вырыть?

— Захотите выжить — выроете.

— Это же бойня, а не война.

— Но-но, взводный, не забывайся. Ты и часа не воевал. Я от границы топаю. Столько народа потерял — на полк хватит. Запомни: жизнь солдата на войне и копейки не стоит. И не забудь, приказы не обсуждают, а кто обсуждает — под трибунал идёт. Так что выбирай.

— Я выбор давно сделал.

Ротный спорить не стал, буркнул:

— Подожди, жизнь научит, — вскинул руку “под козырёк”:

— Выполняй приказ, — и потопал на свой КП.

Ночь напролёт личный состав взвода подручными средствами вгрызался в мёрзлую землю. Я бегал, уговаривал, умолял, угрожал пистолетом. Щербатый посоветовал:

— Не суетись, начальник. Утром все ляжем.

— Зачем же в ополчение пошёл?

— Числится за мной грешок. Пока опера дело не раскрутили, свободой подышу.

Перед рассветом закончили работу, немного вздремнули. Утром немцы пошли в наступление. Танки медленно приближались. Вплотную за ними шли автоматчики. Бойцы вжимались в землю. Несколько человек не выдержали и без команды бросились вперёд с винтовками наперевес. Танкисты хладнокровно скосили их из пулемёта. Щербатый рванул в тыл. Передний танк зашевелил башней, вздрогнул от выстрела. Снаряд снёс Щербатому голову и разорвался в лесу. Танки утюжили неглубокие окопы, давили солдат, оставляли кровавое месиво и шли дальше. Я поднялся в полный рост, бежал, не оглядываясь, стрелял, не целясь. По топоту, тяжёлому дыханию понял, что не один. Сошлись врукопашную. До сих пор помню первого уничтоженного врага — молодого, щуплого, тонкошеюго, в очках, с которым схватились, отбросив оружие, по-звериному рыча. Я подмял его под себя. Он близоруку щурился, одной рукой шарил по снегу, пытался найти свалившиеся очки, другой отгалкивал меня. Силёнок у него не хватало. Он чувствовал это, но продолжал сопротивляться. Его полные слёз серые глаза смотрели на меня с ненавистью и отчаянием. Я пришёл в себя только тогда, когда услы-

шал хруст горла, сжатого моими пальцами. Противник был мёртв. Я победил, однако радости не испытывал, скорее отвращение, будто совершил что-то постыдное. Хотя вроде стыдиться нечего, война: или я его, или он меня. Только как-то это не по-людски получилось. Ведь убивать можно тоже по-разному. Наши, видимо, решили, что со взводом окончено, открыли миномётный огонь, чтобы отсечь пехоту от танков, и добились оставшихся в живых. Уцелел я один. Осколком мины меня ранило в левую ягодицу, вырвав при этом кусок мяса. Рана была не опасная, но сильно кровоточила. Брюки промокли и задубели. В прорыв бросили подкрепление, восстановили оборону. Бой затих. Из меня как будто душу вынули, безразличие полное, уши словно ватой заложены, веки тяжёлые слипаются, в голове гудит, чтобы двигаться. Достал я из вещмешка чистую нижнюю рубашку, свернул, прижал к ране и повалился набок. Мысль откуда-то издалека приходит и исчезает, снова появляется: “Что же ты, Володя, солдатиков своих погубил, всех до единого. Сам-то живой, а их нет”. Не заметил, как санинструктор подошёл, наклонился. Спросил: “Идти сами сможете, товарищ младший лейтенант?” Я только кивнул. Помог он мне подняться и проводил до медсанбата. Там меня ротный нашёл, догадался, о ком я печалюсь: “Не казись, нет твоей вины в их гибели, я через это прошёл, привыкай”, — протягивает фляжку: “Хлебни, полегче будет”. Так прошло первое моё боевое крещение. Особисты настойчиво допытывались, почему ранен в такое интересное место, не бежал ли с передовой. Хорошо — комбат заступился. Вернулся я в полк, когда немцев отогнали от Москвы. От батальона остался взвод. Меня назначили командиром роты. Так ротным и прошагал до победы.

Отец замолчал, достал сигарету, закурил. Чувствовалось, что воспоминания его разволновали. Я забеспокоился:

— Может быть, хватит на сегодня? Тебе нервничать нельзя, покой необходим.

— Эх, сынок, война во мне сидит, от неё не убежишь, не скроешься. Я с тобой давно поделиться хотел, сначала думал: мал, не поймёт, потом жизнь развела. Да и выговориться пора, сколько можно в себе держать. Ты давай спрашивай, не молчи.

— Званием, должностью не обидели?

— Ты мой характер знаешь, не подарок — прямой, словно оглобля. Правду-матку резал, невзирая на чины, подчинённых в обиду не давал, кричать на себя не позволял — самолюбия, строптивости через край. Кому это понравится. В общем, неудобный для начальства человек. Конечно, обидно, когда тебя обходят. Но я себя профессиональным военным не считал и становиться им не собирался. Старался воевать честно, солдаты меня уважали, мне перед ними не стыдно, и это, я считаю, главное, а остальное ерунда.

— Страшно бывало?

— Не без того, но верь тому, кто это отрицает. Пожить, домой вернуться всем хотелось. Только я точно знал: в атаку первым пойду, за чужую спину не спрячусь, значит, победы не увижу. Вначале просто не понимал, почему не погиб, а потом, удивлялся, что уцелел. Роту мою шесть раз перереформировывали. Несколько лет после войны снилось, будто лежу в братской могиле, рядом со мной — товарищи, которых в живых нет. Дождь осенний моросит. Холодно, сыро и обидно. Наверху похоронная команда с лопатами выстроилась. Вдруг женский голос раздаётся: “Постойте, что же вы делаете? Надо хотя бы лица прикрыть”. Солдаты расступаются, и появляется наша Нина, санинструктор. Спускается она в могилу и накрывает нас плащ-палаткой. Становится темно, падают первые комья земли, я задыхаюсь от нехватки воздуха и просыпаюсь в поту.

— Ты как считаешь, тебе везло? Кто-то хранил тебя? Или случайно выжил?

— Я и сам себе тысячу раз подобные вопросы задавал. Видимо, всего понемногу. Воевать научился, зря не рисковал ни собой, ни людьми. Любовь мамина берегла. Письма её до сих пор храню. Столько в них тревоги за меня, нежности — не передать. Считаю, половину войны в госпиталях провалялся. Пять ранений. Из-за последнего, вроде бы пустякового, комиссовать

хотели. Пуля попала в правое предплечье и прошла навывлет. Нерв оказался задет. Рука сохнуть начала. Пальцы еле шевелились. По несколько часов в день специальные упражнения делал. Восемь месяцев дома пробыл. Поэтому ты в год победы на свет появился. Добился улучшения. Вернулся в полк накануне штурма Кёнигсберга.

— Ты знал, что у вас будет ребёнок?

— Мама сообщила. Она надеялась, что родится девочка.

— Почему?

— Наверное, чтобы в будущем похоронки не получать. В сорок первом у неё отец и брат погибли, у меня — оба брата. Такую дань война собрала. Мама не хотела отпускать. Уговаривала: “Володя, прошу, не торопись, у тебя же освидетельствование только через три месяца, а там, может, и продлят. К тому времени и война закончится”. А я в ответ: “В тылу отсиживаться не намерен”. Мы с ней тогда первый раз серьёзно разругались. Плакала несколько дней, а потом смирилась, притихла, будто уже меня похоронила. Не верила, что вернусь. “Нельзя судьбу искушать, любому везенью конец приходит”, — твердила она. Оказалась почти права.

В апреле-месяце бои за город шли жестокие, потери большие. Мы попрежнему добивались победы не уменьем, а числом. В роте в основном восемнадцати-двадцатилетние ребята. С командирами взводов предусмотрели, казалось, все возможные ситуации. Перед штурмом собрал роту, предупредил: “Война вот-вот закончится, у вас жизнь впереди, поэтому никакой самодеятельности”. Особенно меня беспокоил рядовой Алексей Малкин. Родители его к дипломатической карьере готовили. Английский и немецкий знал в совершенстве. Но к жизни не приспособлен совершенно. Рассказывал, что на фронт всем классом отправились после окончания школы, через райком комсомола. Малкин очки носил. На медицинской комиссии товарищ вместо него окулиста прошёл. Зато реакция у Алексея была отменная. Парень чистый, светлый. Как он до сих пор в живых остался и ни одной царапины не имел, не представляю. Приказал Малкину от меня ни на шаг не отходить: “Будешь личным порученцем”, — а для убедительности добавил: “И телохранителем”. Алексей мои слова буквально воспринял — следовал за мной тенью. Продвигаемся вдоль улицы в направлении центра. Фашисты сопротивляются отчаянно, за каждый дом дерутся, понимают, что отступить некуда. Авиация бомбит, артиллерия, миномёты ухают, танки грохочут по мостовой, автоматы трещат, дома горят. Ад крошечный. Я голос сорвал, метался от одной боевой группы к другой. Малкин со мной, словно приклеенный. К вечеру бой стал стихать. Я передал взводным, чтобы доложили о потерях, а сам решил дом осмотреть. Надо на ночь людей пристроить, по возможности дать отдохнуть, перекусить. Входим в подъезд, вижу — на лестничной площадке, между первым и вторым этажом, немец сидит. Автомат на меня смотрит. Понял, что не успею ничего сделать, он первым выстрелит. Алексей сообразил быстрее меня. Откуда у него сила взялась, толкнул в бок так, что я в сторону улетел. Сразу очередь автоматная прозвучала. В груди словно оборвалось. Бросился назад, надеялся, что стрелял не немец, а Малкин, наклонился над Алексеем. Он мёртв. Тут у меня сработал инстинкт самосохранения. “Дурак, если фашист жив, ты у него на мушке, ты труп”. Осторожно, не делая резких движений, повернул голову. Немец привалился спиной к стене, автомат из рук выпал. Значит, выстрелили они оба, одновременно. С такого расстояния трудно промахнуться. Теперь рядовой Алексей Малкин лежит в братской могиле под тем памятником, к которому я тебя водил. Родителям Алексея на следующий день написал письмо, всё объяснил.

— Ты виделся с ними?

— Один раз, когда возвращался домой из Германии. Встретили неласково. Сказали, что ежегодно ездят на могилу сына, расспросили подробности. По характеру вопросов понял — Малкины считают меня виновником его гибели.

— В Дрездене ты чем занимался?

— Меня как технолога направили. Демонтировали станки, оборудование и отправляли на Родину. Делалось это на основе Потсдамского соглаше-

ния в качестве компенсации за нанесённый материальный ущерб. Работали группами по несколько человек. В нашей было пятеро. Жили в особняке, принадлежавшем полковнику абвера. Он погиб под Сталинградом. Семья сбежала в американский сектор. За домом присматривала служанка. Она и русская девушка, угнанная в Германию, помогали нам по хозяйству. Готовили, обстирывали. Вечером в город старались не выходить — небезопасно. У каждого свои интересы: кто немецкий изучал, кто готовился к поступлению в академию. В карты играли, в основном, в преферанс, вышивали, о жизни разговоры вели. В подвале винный погреб находился. Напробовался я коллекционных вин и коньяков. Наверное, от этого, да от ежедневных фронтowych ста грамм, привык к алкоголю. Умные люди время не теряли, обогащались. Возможность была. В вагонах с техникой мебель, посуду, вещи вывозили. Я домой с двумя чемоданами приехал. В одном — тебе игрушки, в другом — маме платье и нижнее бельё. На паёк выменял. Мог и в Германии дольше прослужить и в армии остаться. Но гонор помешал. С товарищами-крохоборами рассорился. Командование меня не поддержало — у самих рыльце в пушку. Кадровики пошли на компромисс: предложили на учёбу поехать, а я заявил, что разочаровался в службе. Меня такого разочарованного держать не стали. Быстро уволили и “спасибо” не сказали.

— Оттого и запил в горькую?

— Не всё так просто. Год проработал на родном заводе главным технологом. Хвалили. Предложили войти в инициативную группу, для создания ветеранской организации. Я наотрез отказался, ляпнул: “Самые смелые и достойные в земле лежат, а сегодняшние говоруны и пороху по-настоящему не нюхали”. Тогда многие на меня обиделись, наверное, справедливо. Выпивать продолжал, но меру знал. Вызывает меня первый секретарь райкома и говорит:

— Интересовались тобой товарищи из организационного отдела обкома партии на предмет назначения партторгом ЦК. Спрашивали наше мнение. Я ответил, мол, какой из него партийный руководитель, если в сорок первом собирался партийный билет на стол выложить.

— Зачем вы мне об этом сообщаете?

— Чтобы место своё знал и не высовывался.

Я ему:

— Не завидую партии, в которой у руля такие типы вроде вас.

В итоге схлопотал строгий выговор с занесением. С должности сняли. Тут я и сорвался с катушек. Пять лет пил. На работу, правда, ходил, ни дня не пропустил, трудился в должности рядового инженера. Большего мне уже не доверяли. Сколько мама из-за меня настрадалась, намучилась. Ей стыдно и перед тобой, и перед соседями, а мне хоть бы хны. Ты-то о моих приключениях ничего не знал, мама скрывала. Не без моей помощи она так рано из жизни ушла. Когда её не стало, меня, будто кто по голове крепко ударил. Может быть, надо через такое пройти, чтобы понять, в какой яме оказался, и силы найти из неё выбраться? Ни грамма алкоголя. Образец трезвости. Вроде бы заново родился. Интерес к жизни появился. В голове мысли дельные возникать стали. После долгих раздумий и расчётов предложил принципиально изменить технологию изготовления основного узла. Мои обоснования сочли убедительными и поручили реализовать задуманное. Экономия и сил, и средств получилась солидная. В общем, в очередной раз доказал, что Володька Орлов своей фамилии соответствует. Вот только сердце подвело, и счастья со второй женой не приобрёл, а тебя потерял. О чём и жалею. Такие дела, сынок. Спасибо, выслушал, дал выговориться. Характер-то у тебя мой, как ни крути. Тяжело придётся. Учись на моих ошибках, пока жив.

— Меня ты не потерял, видишь, я с тобой, рядом, и на работе тебя по-прежнему уважают, и с болезнью справился. Так что не прибедайся, в запас ещё рано, молодым фору дашь. Внуков дождись, правнуков жени.

— Твои бы слова да Богу в уши.

Расстались мы телом. Не предполагал я, что эта встреча будет последней. Службу я закончил в городе, который отец освобождал.

КОЛЬКА

К другу детства — Николаю Соколову — я всегда испытывал противоречивые чувства. Мы были одногодками, жили на одной улице, учились в одном классе. После школы часто заходили к нам. Мама кормила, поила, заставляла делать уроки и только потом отпускала гулять. У себя дома Колька появлялся поздно вечером. Родителей это несколько не огорчало. Они не часто вспоминали о существовании сына. Счастливую, многодетную семью Соколовых подкосила трагедия — гибель троих детей, после которой они так и не оправились. Начали понемножку выпивать, горе вином заливать. К годовщине смерти пили, как говорили соседи, “по-чёрному”. Пробовали обновиться, родили Колю, думали, легче будет, да, видно, жизнь уже пошла наперекосяк. Так и рос он былинкой в поле, никому не нужный. А парень был видный: рослый, чернобровый, кареглазый. Девчонки на него заглядывались. Встретить нас порознь было почти невозможно. Если я оказывался один, обязательно следовал вопрос: “Где Колян?” Трудно определить, кто в ком больше нуждался: я в Николае или он во мне. Скорее всего, мы дополняли друг друга, и это сглаживало разницу в воспитании, взглядах, характере. Однажды я вернулся с улицы и заметил, что мама чем-то огорчена. Оказалось, из шкапулки, где она хранила деньги, пропали сто рублей — сумма по тем временам немалая.

— Может быть, это Коля без спроса взял? — предположила она.

— Как тебе не стыдно! Колян мой друг!

Мама смутилась:

— Ладно, успокойся, нет так нет. Наверное, я их куда-то засунула, найдутся.

Между тем, друг мой Колька под различными предложениями отказывался заходить к нам домой: то родителям помочь надо, то вдруг родственники нагрянули. Через неделю раскрылась истинная причина. Соколов сам пришёл и повинулся маме:

— Тётя Аня, простите, это я деньги украл. Отдал отцу на еду, а они на водку истратили. Что хотите, делайте, только не прогоняйте! Я без вас пропаду!

Он разревелся. Мама обняла его:

— Да Бог с ними, с деньгами, не стоят они твоих слёз. Главное, Коля, постарайся по совести, честно жить.

В двенадцать лет я подхватил двустороннее воспаление лёгких, лежал дома. Участковый врач приходил, колол антибиотики, прослушивал, простукивал, а за сиделку был Колька. Он старательно записывал рекомендации и неукоснительно их выполнял: кормил, поил, строго по времени заставлял пить лекарства, проветривал комнату, предварительно укутав меня в одеяла. Мама во всём на него полагалась и советовалась, как со взрослым. В выпускном классе, после зимних каникул, Николай неожиданно предложил поступать в военно-морское училище.

— Ты знаешь, — убеждал он, — сколько лейтенант-подводник получает? Инженеру такие деньги и не снились. Вдобавок форма красивая, почёт и уважение, от девчат отбоя не будет.

У меня были другие планы. Но я не представлял, как мы расстанемся, разъедемся, перестанем ежедневно встречаться, и после недолгих колебаний согласился, хотя уже тогда замечал, что мой друг ищет и находит, к кому можно прислониться, чтобы получить выгоду. В будущем мои наблюдения неоднократно получали подтверждение и приносили немало огорчений. И всё-таки, несмотря ни на что, всегда, когда мне было плохо, Колька оказывался рядом и подставлял плечо. Вступительные экзамены пришлось сдавать за двоих. Соколов самостоятельно прошёл только медицинскую комиссию и физическую подготовку. Учёба давалась мне легко, Николай же с трудом постигал науку побеждать. От предложений помочь уклонялся, находил другие ходы. То с ремонтом квартиры командир роты помочь, то преподавателю огород вскопать. Получая заработанные “непосильным трудом” тройки, оправдывался: “Флоту нужны здоровые кадры. Зачем теорией голову забивать,

служба всему научит”. Он был членом училищных сборных команд по самбо, штанге и морскому многоборью. И меня приобщил к ежедневным занятиям. И пусть я не стал великим спортсменом, однако здоровье заметно окрепло. Другая идея Соколова — жениться на дочке какого-нибудь начальника, чтобы получить хорошее место при распределении. Говорил он об этом серьёзно, основательно. Тогда я посмеялся над ним и забыл. На пятом курсе он как бы невзначай обмолвился:

— Наверное, женюсь.

— Есть подходящая кандидатура?

— Имеется, и ты скоро с ней познакомишься — Новый год будем встречать у неё на квартире.

— Неудобно, — засомневался я.

— Чудак, родители Нинкины уйдут, одни останемся, на всём готовом, гуляй — не хочу.

Еле уговорил его купить цветы и бутылку шампанского. Подошли к дому, навстречу из подъезда выходит начальник отдела кадров училища, следом женщина. Оба здороваются с нами и желают приятно провести время.

— Он что, здесь живет? — спросил я Николая.

— Угадал, как раз в той квартире, куда мы направляемся.

— Ничего не понимаю. Ты хочешь сказать, кадровик — отец твоей знакомой?

— Наконец-то дошло, мыслитель. Учти, я с кем попало не общаюсь.

— Представь себе, я тоже, поэтому разреши откланяться.

Николай преградил мне дорогу.

— Витёк, не подводи, я Нинке обещал друга привести. Она однокурницу пригласила, для полного комплекта. Скучать не будешь.

— Всё, значит, предусмотрел, — съязвил я, — ладно, веди.

Зря я сопротивлялся. Просидел бы вечер перед телевизором, а не в обществе приятных дам. Девушки приготовили целую праздничную программу. Нина на правах хозяйки развлекала гостей. Мне не понравилось, что она, не стесняясь, целуется с моим другом и командует им: “Коля, принеси тарелку, включи магнитофон”, “Соколов, будущему морскому офицеру стыдно не уметь танцевать вальс”. Колян согласно кивал головой и, словно дрессированная собачка, торопился выполнить её поручения, чтобы заслужить похвалу.

Задумку свою Николай реализовал. После защиты дипломной работы женился на Нине и в качестве свадебного подарка получил непьющую, не имеющую к нашей специальности никакого отношения должность на Балтике. На свадьбу я не пошёл. При распределении попросился на Камчатку. Соколов обиделся крепко, сторонился меня, не разговаривал, но в день выпуска выбрал момент, когда мы остались одни, обнял:

— Витёк, дождались, наконец, лейтенантских погон, как и мечтали!

— Насколько я помню, кое-кто мечтал о карьере подводника?

— Что поделаешь, романтиками были, теперь обстоятельства изменились.

— А как же с клятвой быть всегда вместе, во всем помогать друг другу?

Это тоже ошибка молодости?

— Мы и так вместе, расстояния никакой роли не играют. Ты только свистни, и я прилечу.

— Ты прикидываешься или на самом деле не понимаешь, что дружбу нашу предал?

Разругались мы тогда в пух и прах и разбежались в разные стороны.

Первый офицерский отпуск я провёл дома, Соколов с молодой женой — в Крыму.

С назначением мне повезло: основной экипаж. Лодка в первой линии, экипаж дружный, сплаванный, словно одна большая семья. Жил, как и большинство холостяков, в общежитии, носившем неофициальное название “Чудильник”. С Соколовым не переписывался. Мама сообщала, что Николаша несколько раз навещал её, интересовался мною, спрашивал адрес и дал свой. Тем самым она деликатно намекала — пора перестать обижаться и неплохо бы возобновить наши отношения. Я сознавал, что, скорее всего,

такого друга у меня больше не будет, однако советы мамы оставил без внимания и на письма, которые прислал Соколов, не ответил. Военный городок от отпуска до отпуска жил флотскими новостями: провожал и встречал экипажи, обсуждал итоги проверок, новые назначения. Семейные собирались обычно у кого-нибудь на квартире или устраивали вылазки на природу. Холостякам приходилось довольствоваться танцами, кино и изредка концертами. Меня это пока не особенно беспокоило — свободное время я в основном посвящал чтению. В одно из воскресений, когда выдался нечастый выходной, я попил чаю и завалился на койку с толстым журналом “Иностранная литература”, который накануне получил от Лены — моей подруги, работавшей в читальном зале библиотеки Дома офицеров. Однако культурный досуг вскоре прервал настойчивый стук в дверь. Я удивился: во-первых, обычно “Чудильник” в субботу гудел до утра и до обеда отсыпался, а во-вторых, местные стучали больше по корабельной привычке и, не дожидаясь разрешения, вваливались в комнату. Значит, либо это чужой, либо кто-то очень хочет опохмелиться. Мне не нужен был ни тот, ни другой, поэтому я не ответил. Постучали ещё раз, и дверь распахнулась настежь. В дверном проёме возник пополневший, раздобревший Колька Соколов с двумя огромными чемоданами в руках.

— Что-то ты неласково друзей встречаешь? — неожиданным баском произнёс он.

— О дружбе и о друзьях почаще вспоминать надо, — заметил я, не скрывая радости.

— Витёк, что с меня, дурака взять, пора привыкнуть.

— Ты валенком-то не прикидывайся, не получится. Отойди, дай на тебя со стороны посмотреть. Плечи ещё шире стали, в рубочный люк точно не пролезешь.

— Правда, что ли? — забеспокоился Николай и поглядел на себя в зеркало.

Мы обнялись, и пока я улыбался и удивлённо таращил глаза, Соколов разделся, раскрыл один из чемоданов, извлёк из его недр бутылку коньяка, пакетики с закуской.

— Посуда-то у тебя есть? Надо по обычаю за встречу. Не возражаешь?

Пить не хотелось, но обижать друга не стал. После традиционной третьей спросил, каким ветром его занесло на Камчатку.

— Для дальнейшего прохождения службы.

— Ты давай официальными формулировками не сыпь. Отвечай подробно и по порядку.

— История старая, как мир. Сам знаешь, женился ради должности. Думал, стерпится-слюбится. Нинке тоже оказалось всё равно, за кого замуж высказывать. Как кошка с собакой жили. Я бы раньше сбежал, да перед тестем неудобно. Мужик хороший, переживал сильно. Сюда помог перевестись. Теперь будем служить в одной дивизии.

— Счастье для нас, конечно, большое, но как бы ты не пожалел.

— Зря стараешься обидеть, не получится. Помни, ближе тебя у меня никого нет. Ну, да ладно. Встретились, поговорили и на том спасибо.

Соколов потоптался у стола, потом прихватил чемоданы и направился на выход. Я схватил Николая за плечи.

— Стой, не дури. Куда ты направляешься?

— Мне койку в общежитии дали, надо устроиться, завтра начальству представляться.

— Оставайся, место есть.

— Есть-то есть, да, видно, не про нашу честь.

— Кончай приbedняться, решение принято и обжалованию не подлежит, располагайся.

Я помог Николаю разместиться, сводил в душ, заодно и сам помылся. Потом допили коньяк и улеглись. Однако сон не шёл, и мы проговорили полночи. Особенно запомнились и растревожили душу Колькины слова:

— Ты, Витёк, до сих пор не осознаёшь, какое счастье иметь родителей и знать, что тебя любят. Да если бы меня кто так любил, я бы самым сча-

стливым человеком себя ощущал. Для тебя это естественное состояние, для меня — неосуществимая мечта. За тебя было кому заступиться, а я мог лишь на себя рассчитывать. Вроде бы поэтому должен был уверенным, самостоятельным вырасти — не получилось, поддержки, помощи ищу. Я ведь у вас оставался не из-за обеда, хотя есть, конечно, хотелось, а чтобы по головке погладили, Николашей назвали, похвалили. Часть любви, тебе предназначенной, мне доставалась, и я этого никогда не забуду.

— У тебя всё ещё впереди: и любовь большая, и успехи по службе. Я в тебя верю, только не торопи события.

— Наверное, ты прав, характер дурной, терпенья не хватает: хочу все и сразу, загораюсь мгновенно и остываю быстро.

Я, как мог, успокоил друга детства. Утром вместе дошли до КПП.

— Что вечером собираешься делать? — спросил Соколов.

— На фильм пойду в Дом офицеров.

— Один?

— С девушкой.

— Меня возьмёт?

— Кто же запретит? Если билет найдётся.

Билет купили с рук. Я познакомил Николая с Леной. Зал был полон, поэтому сидели в разных местах. В общежитие вернулся поздно. Николай не спал.

— Классная девочка, давно встречаетесь?

— Около года.

— Жениться не надумал?

— Какой скорый, тут крепко подумать надо.

— Откуда она? Кто родители?

— Отец служит, но кем, где, понятия не имею.

— Непрактичный ты молодой человек.

— Это точно, до тебя далеко. А если серьёзно, мы и виделись-то всего ничего. Кстати, напоминаю: через неделю ухожу в автономку, так что в этом году больше не свидимся. Ты уж один не скучай.

Перед выходом в море мы всё же встретились, переговорили на ходу. Вернулись через три месяца, сдали лодку второму экипажу и улетели в санаторий. Не успел я вкусить прелестей отдыха, как вызывает меня старпом.

— Виктор Алексеевич, звонил комдив, просит тебя дать согласие на подмену. Лодка Спиридонова уходит на боевую службу, а командира дивизиона движения в госпиталь уложили.

— Неужели на мне свет клином сошёлся? Дайте отдохнуть по-человечески!

— Успокойся, Виктор, пойми, Спиридонов никого кроме тебя видеть не хочет. Что делать-то думаешь? Приказать никто не вправе.

— Вещички пойду собирать, что ещё остаётся.

— Ты особо не расстраивайся, какие твои годы, успеешь ещё, отдохнёшь.

— Это точно, когда на пенсии буду.

Так я “загрел” ещё на три месяца в море. На берег ступил в мае. Отпускных дней набралось много. С Леной успел встретиться. Она уезжала на сессию. Предложил после учёбы вместе отдохнуть на юге. Не согласилась, сказала, что обещала родителям провести лето с ними. Расстались мы как-то сухо, натянуто. Николай с лодкой находился в заводе. Поговорил с ним по телефону. Соколов сослался на занятость, извинился за то, что не сможет проводить, похвастался:

— Флагманский механик назвал меня перспективным офицером и обещал в скором времени назначить на новую должность.

Я искренне порадовался за друга:

— Молодец! Видишь, стоило серьёзно делом заняться, и результат налицо.

Купить билет на самолёт было нереально, торопиться некуда. Я решил прокатиться до Владивостока морем, а оттуда через всю Россию поездом.

Огромный пассажирский лайнер довоенной постройки с шикарными ресторанами, танцзалом, широкими коридорами, отделанными красным дере-

вом, светильниками и перилами из старинной бронзы, бассейном и зимним садом, просторными каютами по сравнению с теснотой прочного корпуса подводной лодки стал для меня на четверо суток настоящим раем.

В купе фирменного поезда “Россия” в попутчиках оказалась семья рыбака. Муж — гидроакустик, полный, жизнерадостный балагур. Жена — настоящая наседка, которая никак не могла поверить, что супруг после девятимесячного рейса наконец-то рядом с нею, крепко держала его за руку, а когда он выходил покурить, каждую минуту заглядывала в тамбур и спрашивала:

— Сенечка, ты скоро?

Дочь — семнадцатилетняя хохотушка, решившая во что бы то ни стало поступить в Московский университет и непременно на факультет журналистики. Мне было весело с ними и легко, как с давними знакомыми, и я мысленно похвалил себя за выбранный маршрут. Мы расстались в Москве, в полной уверенности, что встретимся в недалёком будущем, может быть, этим летом на юге.

Домой я заявился бодрым, весёлым и с подарками. Мама нашла, что сыночек похудел, и клятвенно обещала откормить до нужной кондиции. Вечером, после того как разошлись гости, впервые за отпуск вспомнил о Лене. В Питере она останавливалась у тёти, телефон я знал. Словоохотливая женщина рассказала, что племянница успешно сдала очередной экзамен и в данный момент находится в театре, и что она безуспешно пыталась кому-то позвонить, однако связи с Камчаткой не было. Я не стал уточнять, кого именно хотела осчастливить Лена, и продиктовал свой номер телефона. Звонка так и не дождался. От приподнятого настроения не осталось и следа. Ночь прошла в неудачных попытках объяснить причины странного поведения Лены. Тогда я и мысли не допускал, что это связано с Николаем. В течение нескольких дней я надеялся услышать её голос и, наконец, не выдержал — набрал питерский номер. Тётушка доложила всё как на духу: и то, что племянница живёт, не тужит, и то, что записку с номером телефона передала ей лично. Тогда я сказал себе: “Хватит унижаться, будь мужиком, на Камчатке разберёшься, что к чему. У тебя перед Леной нет никаких обязательств, и у неё тоже, развлекайся на полную катушку, радуйся, пока о тебе не вспомнили начальники”.

Отдыхал я широко и с размахом. Нашёл и одноклассников, и одноклассников по училищу, и на юге побывал, и с попутчиками по купе встретился. Однако частенько думал о Лене, глубоко она в душу залезла. Отпуск закончился, как всегда, неожиданно быстро. Откровенно говоря, я рад был этому, не терпелось побыстрее выяснить отношения с Леной. Самолёт “Аэрофлота” точно по расписанию доставил меня на Камчатку, и вечером я уже открывал дверь своей комнаты в “Чудильнике”. Знакомая обстановка, ничего не изменилось; телевизор включён, значит, и друг где-то неподалёку. Действительно, не успел я переодеться с дороги, поставить на стол бутылку и мамины дорожные припасы, появился Николай. Увидав меня, он почему-то смутился и растерялся. Меня так и осенило: “Вот мой соперник”. Сомнения всё-таки оставались, да и не знал я, как себя вести. Выступать в роли Отелло не хотелось.

— Ну, Колян, сегодня моя очередь спрашивать, почему ты не рад другу.

— Не выдумывай, просто не ожидал. — Соколов покраснел.

— В отпуске был?

От такого простого вопроса Николай пришёл в полное замешательство, глазки забегали. Он пытался что-то произнести, но только шевелил губами.

— Не стой столбом, проходи, не стесняйся. — Я усадил Соколова на стул, налил по полному стакану.

— Давай за нашу дружбу.

Николай сделал глоток.

— До конца, — настоял я. — Теперь не спеша выкладывай всё, что вы натворили в моё отсутствие.

Иронический тон обескураживал Николая и помогал мне не сорваться. Алкоголь прибавил Соколову смелости. Он впервые за вечер посмотрел на меня. Глаза у него были виноватые, как у побитой собаки.

— Прости, Витёк, опять я тебя предал, — наконец, произнёс он осевшим голосом.

— Попрошу поподробнее.

— Стоит ли? Ты и так вон какой бледный.

— Не тяни. Я на пределе.

— Всё случайно произошло. Однажды пришёл в библиотеку перед закрытием, твои книги сдать. Я и не знал, что Лена там работает. Проводил до дома. Заглядывал несколько раз к ней на работу поболтать — знакомых нет, делать вечерами нечего. Предложил встречаться, она не возражала. Гуляли, на танцы ходили, о тебе часто вспоминали.

— Так я и поверил.

— Не сомневайся! В мыслях у меня ничего дурного не было. Только потом, когда познакомились поближе, когда узнал о ней побольше, чувства возникли.

— Особенно, наверно, после того, как стало известно, что она дочь начальника штаба флотилии.

— Да нет же, не опошляй. Ты, между прочим, сам об этом умолчал.

— Умолчал, потому что для меня никакого значения не имело, кто её отец.

— Для меня тоже.

— Ладно, не будем спорить, ври дальше.

— Отпуск провёл в Питере, признался Лене в любви. Она ответила взаимностью. Подали заявление в загс. Ее родители дали согласие на брак. Через месяц свадьба. Всё, — с явным облегчением закончил Николай.

В комнате повисло долгое, тягостное молчание. Я заговорил первым.

— Может быть, мне повезло, что ты повернулся, не дал совершить ошибку, только друга, считай, у тебя нет. Я переберусь на плавказарму, пока ты другое место в общежитии не подыщешь. Вместе нам теперь не бывать, и точка. Давай наливай за бывшую дружбу.

Николай что-то бормотал, оправдываясь, я уже не слушал. На улице почувствовал себя настолько опустошённым, что не было ни сил, ни желания двигаться, хотелось выть от обиды и одиночества. Оставшиеся до службы дни я не вылезал из койки, ребята жалели, подкармливали, приносили пищу в каюту. Известие, что меня желает видеть механик, воспринял с радостью. Корабельная жизнь завертела, закрутила, я и сам искал работу, чтобы не оставаться наедине с мыслями. Док, ремонт, отработка задач, выходы в море, подготовка к походу. Год, словно день, пролетел. Не зря говорят, время лечит. Прошлое не казалось теперь столь трагичным, а будущее — таким безысходным. С Николаем мы виделись редко, при встрече здоровались. Он протягивал руку, пытался заговорить, я лишь кивал, произносил неизменное: “Здравствуй!” — и проходил мимо.

Регулярно, раз в неделю почтальон вручал мне письмо от родителей. На двойном тетрадном листе, аккуратным, букровка к букровке, убористым маминым почерком сообщалось обо всех важных и неважных семейных событиях, о состоянии здоровья родных и знакомых, о погоде и других милых сердцу мелочах. А тут достаю из конверта тонкий лист, узнаю отцовский, размашистый почерк: “Сынок, мама заболела. Положили в больницу на обследование. Как только выяснится, что с ней, сообщу дополнительно. Будем надеяться на лучшее. Папа”. Сколько ни пытался, не мог представить маму в больничной палате. Жизнерадостная, подвижная, ни минуты не усидит на месте, она никогда не болела, ни на что не жаловалась. Вечерами, если был свободен, звонил домой. Отец неизменно отвечал: “Пока ясности нет”. Несколько дней никто не подходил к телефону. Самые мрачные мысли одолевали меня и, когда командир вызвал и молча вручил телеграмму, я понял, что случилось непоправимое. Буквы не хотели складываться в слова, текст телеграммы не воспринимался сознанием. Наконец, смог прочитать “Мама умерла ждём папа”. Командир усадил в кресло:

— Виктор, крепись, поверь, это неизбежно случается со всеми. Собирайся, я помогу взять билеты на завтрашний рейс, вопрос о твоей замене на выход на глубоководные испытания решим с флагманским механиком.

Перед ужином он вручил мне билет на самолёт и отпускной. Через сутки я был дома. Родственники взяли на себя организацию похорон. После кладбища и поминок мы остались с отцом вдвоём в квартире. Всегда подтянутый, молодцеватый, решительный, он выглядел уставшим, постаревшим, потерянным. И сейчас не верилось в смерть мамы, казалось, вот откроется дверь, она войдёт и улыбнётся, и скажет что-нибудь своим особенным, грудным голосом. Только чудес не бывает, даже если в них очень веришь.

Через десять дней я вернулся на службу и здесь узнал о другой трагедии. Вместо меня на выход в море пошёл Николай Соколов, по его настоятельной просьбе. Во время погружения на предельно допустимую глубину обнаружили течь второго контура. Устранять неисправность вызвался Соколов, работал один, меняться отказался. Получил дозу радиации, несовместимую с жизнью, и сейчас находится в госпитале. Я с трудом добился свидания с ним. Николай лежал в специальном боксе, изолированном от других помещений. Он был в полном сознании, но крайне слаб. Увидев меня, попытался подняться, однако смог лишь на секунду приподнять голову. Лицо бледное, осунувшееся, синяки под глазами. Говорил с трудом, тихо, почти шёпотом, часто останавливался, чтобы перевести дыхание.

— Не думал, что в таком месте увидимся? — спросил Николай и хотел улыбнуться, но даже на улыбку у него не хватило сил. — Врачи утверждают, что поправлюсь, а мне не верится. Ты как считаешь?

— Не сомневайся, обязательно выздоровеешь! Мы ещё на моей свадьбе попляшем! Какая же свадьба без друга! Так что надолго здесь не задерживайся.

— Ты и вправду жениться надумал?

— Конечно, пора семьёй обзаводиться.

— Рад за тебя, с детства к тебе тянулся, старался доказать, что я хороший и что надёжнее друга у тебя нет, да выходило наоборот из-за моей непуговости. Разные мы, но философы утверждают, будто противоположности сходятся.

— Правильно утверждают. Я после смерти мамы долго размышлял, почему к ней люди тянулись, и вспомнил, что она часто повторяла: “Не нам людей судить, Божье это дело, не наше”. Наверное, слова эти ко мне, прежде всего, относились. В общем, не сомневайся, Колян, мужик ты стоящий и офицер толковый, как друг тебе говорю.

— Спасибо, Витёк, после таких слов дышать легче, жить хочется.

Дежурный врач прервал нашу беседу и насильно вывел меня из палаты. Вскоре моего друга капитан-лейтенанта Николая Соколова не стало.